

Н. В. ПИГУЛЕВСКАЯ

**К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ФОРМАХ ТОРГОВЛИ И КРЕДИТА
В РАННЕЙ ВИЗАНТИИ**

История торговли в Византийской империи еще слабо изучена. Особенно это приходится сказать о периоде ранней Византии—IV—VI вв.

Трудности изучения этой проблемы обуславливаются прежде всего тем, что мы пока не располагаем достаточным количеством фактического материала. Буржуазные византилисты, мало интересуясь экономической историей Византии, почти не исследовали с этой точки зрения ни законодательных, ни актовых, ни нарративных памятников. Поэтому советские византилисты, изучающие организацию и формы торговли в ранней Византии, должны начать с тщательного собирания всех сведений—прямых и косвенных, которые могут дать представление об этой стороне экономической жизни Византийской империи.

При этом необходимо постоянно иметь в виду, что в ранней Византии развитие торговли являлось следствием все тех же общественных явлений, которые получили свою форму и достигли полного расцвета еще в предшествующий период. Основоположники марксизма неоднократно указывали на особенности торговли на основе рабовладельческих отношений,¹ а Восточно-Римская затем Византийская империя до VI в. продолжала в основном жить производственными отношениями, сложившимися в рабовладельческом обществе. Энгельс подчеркивал, что „уделевшие остатки“ торговли в Восточно-Римской империи сыграли крупную роль в ее развитии этого времени.²

Широкое развитие торговли в ранней Византии было тесно связано с наличием многочисленных городов, находившихся, по свидетельству современных источников, в цветущем состоянии. В действительности это видимое благополучие зиждилось на жесточайшей эксплуатации низших слоев общества. Крестьянские общины, колонны и рабы тяжким трудом добывали сельскохозяйственные продукты, которые вывозились на рынок. Взимая налоги и ренту, государство и землевладельцы захватывали не только излишний, но и необходимый для пропитания продукт, обрекая широкие слои непосредственных производителей на систематическое недоедание и периодические голодовки. Чрезвычайно тяжелыми были условия работы в эргастериях. Большие мастерские обслуживались преимущественно рабами (mancipia). Мелкие ремесленники,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 1, стр. 359.

² Там же, т. XVI, ч. 1, стр. 125.

которые домашним способом производили и тут же продавали свой товар, часто попадали в полную зависимость от перекупщиков и, обязанные вносить непосильные налоги, разорялись. Хуже было лишь положение совершенно бесправных рабов. Достаточно указать на то, что законодательные акты IV в., вошедшие в состав Юстинианова собрания законов, принудительно закрепляли и привязывали к роду занятий ремесленников и работавших в государственных мастерских. В ряде случаев эти обязанности были принудительно наследственными. В частности, монетарии, т. е. ремесленники, работавшие на монетных дворах империи, не только не имели права покидать свои обязанности,¹ но, чтобы сделать для них невозможным бегство или сокрытие своего звания, им ставили клеймо на руку — „государственные буквы“, или „стигматы“.² Строго запрещалось укрывать рабов царских ткацких мастерских (*textrini nostri mancipia*) или „предоставлять убежище беглым из числа семей, занятых в гинекеях“, больших текстильных мастерских.

„При рабовладельческих отношениях, при крепостных отношениях, при отношениях дани (поскольку имеется в виду примитивный общественный строй) присваивает, а следовательно и продает продукты, рабовладелец, феодал, взимающее дань государство“.³ Эти слова Маркса прекрасно объясняют, почему в торговле принимали участие и знать, и император — один из крупнейших и богатейших землевладельцев, хозяин больших мастерских, какими были царские гинекеи. И императорский дом и знатные фамилии имели своих представителей, через которых вели все торговые операции.

Сведения об этом имеются в законе императоров Валента и Валентиниана, изданном в 364 г. в Константинополе на имя Юлиана, комита Востока, в котором высказывалось требование признавать свои долги, „как это предписывает честность“, *ut honestas postulat*.⁴ Среди торговцев (*negociatores*) упомянуты принадлежащие „к нашему дому“, т. е. торговцы, связанные с императорским двором, с хозяйством и имуществом самих императоров. Известны также торговцы, занимавшиеся торговлей, находясь на службе или в какой-то зависимости от богатых (*potentiorum... homines*). Эти „люди знатных“ и „торговцы императорского дома“ пользовались своим положением находящихся под покровительством власть имущих, чтобы не признавать сделанных долгов и долговых обязательств.

Злоупотребления этих привилегированных купцов приобретали иногда столь кричащие формы, что правительство, опасаясь за сбор налогов, вынуждено было принимать некоторые меры для их обуздания. Например, закон 408 (или 409) г. императоров Гонория и Феодосия запрещал производить „гибельную для городов торговлю“ (*perniciosum urbibus mercimonium exercere prohibemus*), совершенно точно указывая, что такой „гибельной торговлей“ занимались знатные, используя свое положение (*nobiliores natalibus, et honorum luce conspicuos, et patrimonio ditiores*,⁵ т. е. знатные по рождению, пользующиеся почетом и богатые по наследству). Часть знатных не только стремилась к монополизации торговли в руках своих представителей,

¹ Codex Justinianus, II, 8 (7), 6, ed. Krueger Berolini, 1906, стр. 430 (в дальнейшем страницы кодекса даны по этому изданию).

² Cod. Just. II, 10 (9), 3, p. 432.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XIX, ч. 1, стр. 353.

⁴ Cod. Just. 4, 63, I, p. 188.

⁵ Cod. Just. 4, 63, 3, p. 188.

но и бесцеремонно использовала для своих торговых операций городские средства. Об этом говорит, например, жалоба Юстиниану из города Афродизиума на то, что знатные брали себе деньги, получаемые городом и выплачивали за эти деньги городу известный процент, ниже обычного.¹

Заемные операции вообще приобрели широкий размах в условиях ранневизантийской торговли. Из кодекса Юстиниана известно, что менялы или банкиры (*ἀργυροπράται*) принимали вклады под проценты.² В рост отдавались иногда даже мелкие сбережения. Ценное свидетельство об этом дает нам Лимонарий Иоанна Мосха, составленный до 600 г. н. э. Муж и жена, читаем мы там, скопили 50 милиарисиев, и муж предложил жене: „Дадим в рост эти милиарисии, и мы получим от них малую выгоду (*παραθύρια*), с тем, чтобы, расходуя их один за другим, у нас не оказалось бы все растраченным“.³

Папирус 541 г. из Афродито сообщает о денежной операции клирика Флавия Виктора из Египта, который был со своим товарищем в столице. Флавий Виктор произвел заем у некоего Флавия Анастасия в размере 20 солидов сроком на четыре месяца. Он должен был выплатить 8% по займу и внести свой долг в Александрии, где Анастасий имел свою контору или учреждение (*ἀποθήκη*) со своим человеком (*ἀνδρῶπιος*), которого звали Фомой. За два месяца Флавий Виктор должен был заплатить дополнительно особые проценты⁴ с тем, чтобы общая их сумма равнялась 12, т. е. составляла *trajecticia contracta*, разрешенные и законом 528 г.

Этот закон Юстиниана 528 г. устанавливает нормы процентов, которые могли взиматься при заключении контрактов и при всякого рода других денежных операциях. Для „тех, которые имеют эргастерии или ведут какую-либо законную торговлю“ (*illos vero, qui ergasteriis praesent vel aliquam licitam negotiationem gerunt*), допускалось получение 8% в год.⁵ При заключении контрактов лицами, имевшими звание *illustres* (сенаторов) или более высокие, не разрешалось получать больше 4% в год. Очевидно, предполагалось, что этим *illustribus quidem personis sive eas praecedentibus* следовало довольствоваться минимальными процентами. Для всех прочих лиц устанавливались законом 6% в год.

В особые условия были поставлены так называемые *trajecticia contracta*, т. е. операции, заключаемые в связи с перевозками или перемещением кредитуемых лиц, при которых допускалось взимать 12%.⁶ Такой процент и был уплачен Флавием Виктором, как это было указано выше, так как его заем был рассмотрен как *trajecticia contracta*.⁷ Взимание в этих случаях более высоких процентов обуславливается рядом законов, которые считали, что опасности, связанные с перевозом денег по морю, создают серьезный риск для кредитора (*trajectitiam pecuniam, quae periculo creditoris datur*) и дают право на более высокий процент.⁸ В том же случае, если данная в долг сумма

¹ Novellae, ed. Schoell-Kroll, Berolini, 1904, Nov. 160, стр. 744.

² Cod. Just. 4, 32, 5, стр. 171.

³ J. Moschos. Pratum spirituale, cap. 185. Patr. Gr., LXXXVII, col. 3060.

⁴ Papyrus grecs d'époque byzantine, ed. par J. Maspero. Le Caire. 1913, t. 2, p. 2—4.

⁵ Cod. Just. 4, 32, 26, § 2, p. 173.

⁶ Cod. Just. 3, 32, 26, § 2, p. 173.

⁷ Mickwitz. Un problème d'influence: Byzance et l'économie de l'Occident médiéval. „Annales d'histoire économique et sociale“, t. 8, 1936, Janvier, p. 23 (6).

⁸ Cod. Just. 4, 33, 2 (1). Закон Диоклетиана и Максимиана, стр. 173.

непосредственной опасности в пути не подвергается (*incertum periculum, quod ex navigatione maris metui solet*), процент может взиматься лишь обычный.¹ Известно, однако, что на практике взимались и более крупные проценты.

Займы производили ремесленники и торговцы и друг у друга. Так, происходящий из Антиной папирус сообщает о том, что торговец овощами (*λαχανοπώλης*) Аврелий Коллут, сын Лила, выдал расписку Аврелию Коллуту, сыну Георгия, мяснику (*χοιρομάγειρος* — мясник, режущий свиней) в том, что он должен ему 9¹/₂ кератиев.² Из другого папируса мы узнаем, что вышивальщик (*πλουμάριος*) Аврелий Петр из Ликополиса занял у торговца вином (*οἶνοπράτης*) Аврелия Георгия 7 кератионов и платил за них 17⁰/₁₀ в год, т. е. по 50 талантов серебром.³ Этот папирус из Антиной относится к VI в., когда серебряный талант составлял ¹/₅₀₀ часть кератиона.⁴

Законодательный материал подтверждает, что золото и серебро берегли или отдавали на хранение в виде денег или слитков — *certum pondus auri vel argenti confecti vel in massa constituti deposuerit*.⁵ То же законодательство оговаривает известные условия купли и продажи, запрещая, например, после получения задатка изменять цену на товар.⁶ Иоанн Мосх сообщает рассказ об одном купце из Тира, занимавшего и в VI в. положение крупного торгового центра. Купца оклеветали в том, что он незаконно вел торговлю (*τὰ κομμερχίου ἐσχόρησα*). Его вызвали в Константинополь и посадили в тюрьму.⁷

Большинство постановлений, регулирующих торговлю и кредитные операции, относится еще ко времени Диоклетиана и, несомненно, стоит в связи с его общими усилиями установить твердые цены на различные товары.⁸

Морская торговля была одним из видов торговли, доставлявшим большие прибыли. Многочисленные источники, в числе которых следует назвать агиографические, говорят о том, что плавание по Средиземному морю, в сущности внутреннему морю империи, носило широко распространенный характер. Корабельщики, *ναύκληροι*, были, как правило, не только владельцами судов, но и купцами, привозившими на них свои собственные товары. Они их перевозили, продавали, покупали другие товары и везли их обратно, не раз меняя направление своего пути, путешествуя таким образом по году и более.

Об интенсивности морской торговли свидетельствуют и размеры византийских кораблей, среди которых были корабли очень значительной по тем временам вместимости и грузоподъемности. Так, например, тот же Иоанн Мосх сообщает, что в гавани „Малый мыс“ (*Δεπτή Ἄκρα*), расположенный недалеко от Апамен, „был некий корабельщик, имевший корабль вместимостью три тысячи модиев, который он желал спустить в море. Он трудился две недели с многими работниками (говорят, что в день у него было 300 работников (*οἱ ἐργάται*)), но невозможно было спустить корабль в море или сдвинуть его с места...“⁹. Имеется

¹ Cod. Just., 4, 33, 3 (2), стр. 173.

² Maspero. Papyrus grecs d'époque byzantine. Le Caire. 1912, t. II, ч. 2, p. 125.

³ Ibid., p. 124—125.

⁴ Ibid., p. 122.

⁵ Cod. Just. 4, 34, 12, p. 174.

⁶ Cod. Just. 4, 44, 1—II, p. 179—180.

⁷ J. Moschos, cap. 186. Part. gr. 87₃, col. 3064.

⁸ В. С. Сергеев. История Рима. М., 1938, т. II, стр. 656, 667.

⁹ J. Moschus. Pratum spirituale, cap. 83, Gz. 87₃, col. 2940. Вместимость или грузоподъемность кораблей определялась тогда в модиях — мера сыпучих тел.

сообщение о другом корабле, вместимость которого была в пять тысяч модиев. Около дома хозяина этого корабля лежало приготовленное для последнего огромное мачтовое дерево, τὸ κατάρτιον.¹ В источниках часто встречаются упоминания о купцах и корабельщиках, потерявших свое состояние и товары из-за кораблекрушения. Большую опасность представляли пираты, от которых даже в период наибольшей мощи империи не были свободны морские пути. Тем больше опасностей представляли дальние путешествия, как об этом подробно повествует Козьма Индикоплов.

Наряду с торговлей в больших городах и гаванях империи почти повсюду существовали ярмарки. Сюда крестьяне привозили сельскохозяйственные продукты, продавали или обменивали их на необходимые им предметы обихода и одежду. Сюда же приносили свои изделия и ремесленники, часто принимавшие непосредственное участие в мелкой торговле.

Один агиографический памятник сохранил живой рассказ о поездке некоего пафлагонского крестьянина на ежегодную ярмарку, бывавшую „в тех местах“ (ἡ κατ'ἔτος ἐγχορίως γενομένη πανήγυρις). Прибыв на ярмарку, крестьянин „усердно продавал и менял то, что имел, по обыкновению“. Ему встретился купец, и между ними произошел разговор. „Я был порядочным торговцем, — рассказал купец, — имел 1000 номисм и, взяв их, я вел усиленную чужеземную торговлю, а через год прибыл на эту ярмарку. Продав все, я сложил в надежный мешок 1500 номисм и, завязав его шелковым шнурком, удалился с ярмарки“.²

Немало ценных сведений о характере мелкой торговли, которая велась на рынках и базарах городов сельскохозяйственными и ремесленными продуктами, дают провинциальные хроники.³

Получая с купцов соответствующие налоги, игравшие крупную роль в бюджете Византии, государство вынуждено было издавать законы, направленные на ограждение интересов торговли. Так, на основании закона Валента и Валентиниана, купцов, имевших право торговать на ярмарке или рынке, нельзя было принудить уступить кому-либо свой товар или рабов. Запрещалось чинить им насилия, требуя оплаты частного долга.⁴

В интересах фиска государство пыталось ограничить и тенденцию крупных торговцев к монополизации торговли в своих руках. Рескрипт императора Зенона на имя префекта претория Константина говорит о некоторых из этих попыток. Так, запрещались всякого рода соглашения об установлении минимальных цен, которые часто заключали между собой крупные купцы: ... neve quis illicitis habitis conventionibus conjuret, aut paciscatur, ut species diversorum corporum negotiationis, non minoris quam inter se statuerint venundentur.⁵ Виновные в установлении таких „соглашений“ на цены товаров присуждались к выплате 40 либр золотом (quadraginta librarum auri solutione percelli decernimus). Запрещения эти, однако, помогали мало. Торговцы старались прикрыть свои действия специальными разрешениями, получаемыми за взятку из канцелярии префекта претория, или императорскими указами.

¹ J. Moschus, col. 3069.

² Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae, ed. H. Delehayе. Bruxelles, 1902, p. 720—721.

³ Н. Пигулевская. Месопотамия на рубеже V и VI вв., стр. 41—44, 75.

⁴ Cod. Just. 4, 60, 1, p. 186—187.

⁵ Cod. Just. 4, 59, 2 (1), p. 186.

Больше того, такого рода частные попытки к захвату монополий послужили примером для самого Юстиниана, который стремился обогатить свою личную казну именно таким путем.

Законодательные памятники сохранили интересные сведения об особенностях торговли с народами, жившими за пределами империи. Международное и внутреннее положение Византии в этот период требовало установления ряда ограничений контингента вывозимых товаров и условий расплаты. Например, по закону 370—375 гг. не допускалась продажа „варварам“ вина, масла (*oleum*) и соленой рыбы.¹ Этот закон стремился сохранить продукты первой необходимости в пределах империи, которая сама испытывала в них острый недостаток в связи с углублением кризиса рабовладельческой системы. Страх перед варварами, как раз в этот период резко усиливавшими свои вторжения, продиктовал и другое ограничение: не продавать ни в Константинополе, ни в каком-либо другом городе оружие варварам, принадлежащим к числу народов зарубежных. Оружие, которое запрещалось к продаже, перечислено: это панцыри, щиты, стрелы, мечи и железо вообще (*nihil penitus ferri*). Закон этот, изданный при императоре Маркиане (455—457), мотивирует это запрещение тем, что выгодно, чтобы варвары не имели оружия и испытывали в нем нужду.

Изданный в 374 г. указ запрещал платить варварам за товары золотом, которое утекало из империи, усиливая ее финансовые затруднения. Не следует, говорится в законе, отдавать золота варварам „за рабов“ (*pro mancipiis*) или за какие-либо другие товары (*vel quibuscumque speciebus*). Более того, не следует допускать, чтобы золото перевозилось к варварам торговцами (*ad barbaricum fuerit translatum a mercatoribus*). Достаточно вспомнить жалобы римских и ранних византийских историков на то, что драгоценные металлы и деньги уходят в обмен на шелк и пряности, чтобы понять, почему византийское правительство строго карало (*suppliciis subjungentur*) за вывоз золота.

По традиции, сложившейся еще в предшествующий период, торговцы и ремесленники ранневизантийской империи составляли корпорации и коллегии. Государство в некоторых случаях использовало эти корпорации в своих интересах. Так, навикулярии были ответственны за доставку в столицу хлеба, который подвозился морским путем, главным образом из Египта.

Заинтересованность государства в деятельности корпораций, с точки зрения выполнения известных функций и доходов фиска, вела к закреплению или прикреплению членов корпораций к их организации.

Рескрипт императоров Гонория и Феодосия на имя префекта претория Аэция от 409 г. дает в этом отношении важные сведения. Разрешенная корпорация не имеет права ни в коем случае увеличивать число своих членов, хотя бы желающий вступить в нее и искал поддержки у людей сильных и стремился осуществить свое желание *per patrocinia*. Места умерших членов коллегии могут быть предоставлены лишь лицам, принадлежащим к тем же группам населения, что и умершие. Это замещение следовало производить по распоряжению префекта претория в присутствии корпорации *ita ut iudicio tuae sedis sub ipsorum praesentia corporatorum, in eorum locum, quos humani subtraxerint casus; ex eodem quo illi fuerant corpore subrogentur...*².

¹ Cod. Just. 4, 41, 1, ed. Krüger, Berlin, 1906, p. 178.

² Cod. Just. 4, 63, 5, 188.

На основании этого закона можно, следовательно, говорить о том, что корпорации находились в ведении префекта претория; их организация, сохранение количества членов, вступление в состав корпорации новых лиц находились под его контролем. К сожалению, других, более детальных сведений об организации корпораций в ранней Византии мы пока не имеем. Но несомненно, что дальнейшее изучение источников даст возможность советским византинистам, вооруженным марксистско-ленинской методологией, успешно разрешить и этот вопрос, имеющий серьезное значение для характеристики особенностей общественного развития Византии.
